

В.А. БЕССОНОВ, М.А. ДОБЫЧИНА, В.А. ИВАНОВ

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС РУССКОЙ АРМИИ В ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДАХ 1813–1815 гг.: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ (по материалам Калужской губернии)*

Среди многих проблем, стоящих перед современными исследователями эпохи наполеоновских войн, видное место занимают вопросы, связанные с изучением персонального состава участников военных кампаний, в которых, как известно, решающую роль сыграли русские солдаты и офицеры самых разных званий и рангов.

В настоящее время об участниках антинаполеоновских войн известно немного. Исключения составляют либо представители высшего командного состава русской армии (М.И. Кутузов, М.Б. Барклай де Толли, А.П. Ермолов), либо легендарные личности (Д.В. Давыдов, А.С. Фигнер). Гораздо сложнее обстоит дело с основной массой участников боевых действий (штаб- и обер-офицеры, нижние чины), внесших основной вклад в победу над наполеоновскими войсками. Мы до сих пор не имеем ясного и цельного представления о том, кто были эти люди, каковы были их социальное происхождение, национальный состав, образовательный уровень, возрастной ценз, материальное, семейное положение и т.д.¹

В данной статье предпринята попытка изложить некоторые предварительные итоги историко-социологического изучения участия офицеров-калужан в антифранцузских кампаниях на-

чала XIX в. Основное внимание при этом будет уделено участникам заграничных походов русской армии 1813–1814 и 1815 гг. Для решения поставленной задачи был выявлен и подвергнут статистическому анализу отложившийся в фондах Государственного архива Калужской области (ГАКО) комплекс послужных или формулярных списков участников военных кампаний, которые после увольнения из армии поступили на службу в гражданские учреждения Калужской губернии, либо занимали выборные должности в органах корпоративного дворянского самоуправления, т.е. являлись гражданскими чиновниками. Списки этих военных деятелей выявлялись за 1814–1860 гг. Это связано с тем, что поколение участников антинаполеоновских войн в большинстве своем ушло из жизни еще к 1860-м годам. Кроме того, в процессе поисковой работы в отдельных случаях предпринимались попытки обнаружения формулярных списков за более поздние годы. Послужные списки участников военных кампаний выявлялись в фондах государственных (губернских и уездных) и сословных учреждений: губернское правление (Ф. 62), канцелярия Калужского губернатора (Ф. 32), Калужское дворянское депутатское собрание (Ф. 66), канцелярия Калужского губернского предводителя дворянства (Ф. 260), Калужская казенная палата (Ф. 86), Калужская губернская почтовая контора (Ф. 78), Жиздринский уездный суд (Ф. 438) и др. В общей сложности в ГАКО выявлены формулярные списки 153 офицеров – участников антинаполеоновских войн 1805, 1806–1807, 1812, 1813–1814 и 1815 гг. Из них 108 человек в разное время и в разных чинах служили в регулярной армии, иррегулярных войсках или на флоте, т.е. находились на действительной военной службе. Остальные 45 офицеров числились в составе временных войск (ополчения). В период войн с наполеоновской Францией из 108 военнослужащих во всех пяти кампаниях приняли участие 3 человека, в четырех – 11, в трех – 29, в двух – 42 и в одной – 23. Следовательно, при-

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и администрации Калужской области (проект № 02-01-59019а/Ц).

¹ Несмотря на огромное количество исследований по различным аспектам истории наполеоновских войн, и в частности Отечественной войны 1812 г., в исторической литературе до сих пор отсутствуют работы, содержащие характеристики русского офицерского корпуса начала XIX в. Исключение здесь составляет цикл работ современного отечественного историка Д.Г. Целорунго по истории русского офицерского корпуса в Отечественной войне 1812 г. См., например: *Целорунго Д.Г.* Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения: Историко-социологическое исследование. М., 2002.

мерно 80 % калужан были участниками двух и более войн.

Анализ выявленного массового материала показывает, что абсолютное большинство участников антифранцузских кампаний начала XIX в. являлись потомственными дворянами по происхождению. Их насчитывалось 135 человек, или 88,2 % от учтенного числа. Среди лиц недворянского происхождения было 6 (3,9 %) детей обер-офицеров, по 3 (1,9 %) – священнослужителей и солдат, по одному (0,7 %) – мещан, чиновника, прапорщика и унтер-офицера. Социальное происхождение двух человек (1,3 %) установить не удалось.

Сведения о полученном образовании содержатся в послужных списках 52 офицеров (34 %). В значительной части формуляров вместо данных об образовании указывается, например: «в службу вступил в л.-гв. Семеновский полк капралом» или «в службу вступил в Полтавский пехотный полк унтер-офицером». Отсутствие в 2/3 формулярных списков военных сведений об образовательном уровне объясняется прежде всего тем, что эти данные стали вноситься в обязательном порядке в служебный формуляр чиновников гражданского ведомства не ранее середины 1849 г. (Указ Сената от 16 июня 1849 г.)². В нашем материале большая часть выявленных и обработанных формулярных списков составлена до 1849 г., а потому данные о полученном образовании в них отсутствуют.

27 офицеров (17,6 % от всего выявленного числа) получили специальную подготовку в военно-учебных заведениях страны (в кадетских корпусах – 21 человек, Дворянском полку – 3, Императорском Военно-Сиротском доме – 2 и Пажеском корпусе – 1); 12 офицеров окончили гражданские учебные заведения (университеты – 5 человек, гимназии, пансионы – 5, народное училище – 1, приходское училище – 1). Так, выпускником 1-го кадетского корпуса был участник военных кампаний 1806–1807, 1813–1814 гг. и Отечественной войны 1812 г. поручик 2-го егерского полка М.С. Герасимов. Гродненский кадетский корпус окончил подпоручик В.К. Дерожинский; в составе 2-й артиллерийской бригады он принимал участие в сражениях под Пултуском (1806 г.), Прейсиш-Эйлау и Фридрихсборгом (1807 г.), а затем, уже в составе 24-й бригады, участвовал в кампаниях 1812, 1813–1814 и

1815 гг. 2-й кадетский корпус окончили участвовавшие в Отечественной войне 1812 г. и походах 1813–1814 гг. Я.Л. Бураков, И.А. Львов, И.Ф. Чмелев и др. Выпускниками Морского кадетского корпуса являлись участники кампаний 1813–1814 гг.: отец известного русского флотоводца И.С. Унковского, С.Я. Унковский, И.Н. Палтев и П.Б. Карпов. Воспитание в Императорском Военно-Сиротском доме получили прапорщики Ревельского и Тобольского пехотных полков Н.Ф. Поньрко и И.И. Ульянов. По окончании Пажеского корпуса 16-летним корнетом л.-гв. Гусарского полка вступил на военную стезю С.Ф. Чаплин – участник войн 1812 и 1813–1814 гг. Выпускником Дерптского университета был прапорщик 47-го егерского полка, участник Отечественной войны 1812 г., кампаний 1813–1814 и 1815 гг. барон С.Ф. Эльснер.

13 человек, согласно имеющимся данным, получили образование в доме родителей. Однако в действительности число лиц, получивших домашнее образование, в корпусе выявленных материалов значительно больше, поскольку этот вид образования был одним из самых распространенных в среде высшего сословия во второй половине XVIII – начале XIX в. В этой связи с большой долей вероятности можно предположить, что военнослужащие дворянского происхождения получили образование и воспитание в доме родителей, если в их послужных списках вместо данных об образовании сказано, что они вступили в службу в такой-то полк. Приведем один типичный пример, наглядно подтверждающий сказанное. В двух формулярных списках дворянского заседателя Боровского земского суда капитана П.Я. Бахметьева, составленных в 1823 и 1830 гг., сказано, что он в службу вступил капралом в л.-гв. Семеновский полк³. При этом данные об образовании в этих списках не приводятся. В третьем послужном списке Бахметьева, датированном уже 26 августа 1849 г., записано, что он получил домашнее образование⁴. С учетом сказанного, количество лиц, получивших домашнее образование, в совокупности составит не менее 80 человек, т.е. более половины выявленного числа. В целом можно констатировать, что уровень образования офицеров – участников антифранцузских кампаний соответствовал об-

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ)-II. СПб., 1850. Т. XXIV. Отд. 2. № 23401.

³ Государственный архив Калужской области (далее ГАКО). Ф. 32. Оп. 19. Д. 1269. Л. 278 об. – 279; Д. 1270. Л. 137 об. – 138.

⁴ Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3608. Л. 1776 об. – 1779.

разовательной подготовке высшего сословия российского общества того времени. Его обеспечивали имевшиеся в стране военные и гражданские учебные заведения и образование, полученное на дому.

Анализ данных о возрастном цензе участников антинаполеоновских войн указывает на преобладание среди них лиц молодых возрастных групп.

В действующей армии офицеры в возрасте до 26 лет составляли: в кампании 1805 г. – 67 %, 1806–1807 гг. – 60 %, 1812 г. – 73 %, в 1813–1814 гг. – 64 % и 1815 г. – 60 %. Военнослужащие возрастных групп от 26 до 35 лет составляли соответственно 22 %; 36; 24; 32 и 41 %. Офицеры старше 35 лет были редким исключением. Это майор Ф.И. Митрофанов (39 лет в 1805 г.), участник сражений под Кремсом, Аустерлицем, Гейльсбергом, Фридландом, капитан А.Я. Бахметьев (37 лет в 1812 г.), участвовавший в битве при Бородине, и генерал-майор В.Д. Мещеринов (39 лет в 1812 г.), участник войны 1812 г. и походов 1813–1814 гг.

При ознакомлении с данными о возрастном цензе офицеров нельзя не отметить относительно большой удельный вес военнослужащих молодых возрастных групп (до 20 лет) в кампаниях 1805, 1806–1807, 1812 и 1813–1814 гг., где они составляли соответственно 55,6 %; 20; 23,7 и 15 %. В то же время в кампании 1815 г. на их долю приходилось всего 6,4 %. Это свидетельствует о том, что костяк русского офицерского корпуса, участвовавшего в окончательном разгроме армии Наполеона, составляли кадровые офицеры, имевшие большой опыт ведения военных действий. Приведем некоторые примеры участия молодых офицеров в военных кампаниях. В составе союзных войск в сражении под Аустерлицем 20 ноября 1805 г. принимал участие 17-летний прапорщик л.-гв. Измайловского полка С.Б. Леонтьев. В сражениях при Гейльсберге и при Фридланде в 1807 г. участвовал 19-летний прапорщик М.С. Герасимов. В боях под Красным (2–3 августа 1812 г.) впервые принял боевое крещение 14-летний прапорщик лейб-Гренадерского полка Ф.С. Щукин, участвовавший позднее в кампании 1813–1814 гг. (Бауцен, Лейпциг, Фер-Шампенуаз, Париж).

Для полноты картины сопоставим полученные данные о возрастном составе офицерского корпуса периода Отечественной войны 1812 г. с аналогичными расчетами, произведенными на основе анализа общероссийского материала. По подсчетам историка Д.Г. Целорунго (изучалась

типичная выборка, включающая 1109 формуляров офицеров 17 полков, что составило около 10 % от общего количества (181) полков гвардейской и армейской пехоты), в 1812 г. офицеры в возрасте до 20 лет составляли 5,3 % от общего количества офицеров, от 20 до 25 лет – 37,4 %, от 26 до 30 лет – 26,9 %, от 31 до 35 – 13,6 %, от 36 до 40 лет – 10,1 %, старше 41 года (41–65 лет) – 6,3 %⁵.

Таким образом, статистические расчеты, произведенные на региональном и общероссийском уровнях, отражают одну общую закономерность: офицерский корпус русской армии в антинаполеоновских кампаниях подавляющее большинство составляли военнослужащие молодых и средних возрастных групп.

Несколько иные данные о возрастном цензе мы имеем по офицерскому корпусу ополчения. Из 63 человек 25 (37,7 %) составляли лица в возрасте до 26 лет. Военнослужащих в возрасте от 26 до 30 лет и от 31 до 35 лет насчитывалось по 10 человек (15,9 %), от 36 до 40 лет – 8 (12,7 %), от 41 до 45 лет – 6 человек (9,5 %). Старше 45 лет учтено всего 2 человека (3,2 %). Как видим, среди ополченцев, в отличие от офицерского корпуса регулярной армии, была велика доля офицеров средних и старших возрастных групп (от 36 до 45 лет и старше). Вместе они составляли 1/5 (25,4 %) всех офицеров ополчения. Это можно объяснить тем, что примерно половину от учтенного числа всех ополченцев составляли отставные военные, уже прослужившие до зачисления в ополчение известное количество лет на различных должностях в разных родах войск и частях русской регулярной армии.

Средний возраст офицеров действующей армии был следующим: в 1805 г. – 21,4 года, в 1806–1807 гг. – 23,8, в 1812 г. – 22,9, в 1813–1814 гг. – 24, в 1815 г. – 24,8, среди ополченцев – 28,3 года. Приведенные данные подтверждают ранее высказанное наблюдение относительно молодости участников войн с наполеоновской Францией.

От общей характеристики состава русского офицерского корпуса эпохи наполеоновских войн перейдем к подробному анализу участия офицеров действующей армии в заграничных кампаниях.

⁵ Целорунго Д. Г. Формулярные списки офицерского корпуса русской армии эпохи Отечественной войны 1812 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1990. С. 120. Табл. 1.

В заграничном походе 1813–1814 гг. принял участие 71 военнослужащий. Трое из них имели флотские чины (два лейтенанта и мичман). К началу кампании в частях регулярной армии служил генерал-майор В.Д. Мещеринов и 64 обер-офицера. Среди них – 21 прапорщик, 4 корнета, 11 подпоручиков, 20 поручиков, 4 штабс-капитана, 2 капитана, штабс-ротмистр и ротмистр. В период военных действий двое военнослужащих за проявленные в боях отличия были произведены в офицеры. Из 66 обер-офицеров – участников заграничного похода 17 получили повышения в чинах, при этом шестеро – дважды. Так, И.И. Иванов и Н.В. Путимцов в 1813 г. получили чин прапорщика, а в 1814 г. за боевые отличия – чин подпоручика. В начале 1813 г. поручик П.А. Бабушкин и штабс-капитан А.Л. Шумовской были повышены в воинском звании за заслуги, проявленные в 1812 г., а в 1814 г. – уже за отличия в заграничном походе. За участие в сражениях 1813–1814 гг. дважды повышались в чинах подпоручик Таврического гренадерского полка К.И. Блау и подпоручик 24-й артиллерийской бригады В.К. Дерожинский. В сентябре 1813 г. служивший в иррегулярной кавалерии (в 3-м Украинском полку) штабс-капитан гвардии С.Б. Леонтьев, вероятно, был переименован в майоры, а 6 октября 1813 г. пожалован (возможно, за отличие под Лейпцигом) в подполковники.

В полках гвардейской пехоты (л.-гв. Семеновском, Литовском, Финляндском и Гусарском) служили 4 офицера. Кроме того, в Гвардейском экипаже, входившем в состав гвардии, служил мичман И.Н. Палтов. 13 апреля 1813 г. за отличия, проявленные в 1812 г., лейб-Гренадерский и Павловский гренадерский полки были причислены к гвардии, став тем самым частями новой или молодой гвардии. Из калужан в период заграничных походов в л.-гв. Гренадерском полку числилось пять офицеров: штабс-капитан Н.Н. Крупеников, поручик А.Х. Гессе, подпоручик Ф.П. Экарев, прапорщики Н.А. Писарев (произведен за отличие в 1813 г. в подпоручики) и Ф.С. Щукин. Следовательно, в 1813–1814 гг. в гвардейских частях было 10 офицеров-калужан, в армейской пехоте – 43. Из них в гренадерских полках состояло – 8, в пехотных – 18 и в егерских – 16. В формулярном списке выпускника 2-го кадетского корпуса прапорщика Я.Л. Буракова не указано место службы, но есть основания полагать, что он служил в пехоте. В армейской кавалерии состояло 14 офицеров, в кирасирских полках – 3, в драгунских – 7, в гусарских и уланских по

два. В артиллерии (24-я бригада) значился подпоручик В.К. Дерожинский.

В период заграничного похода 4 офицера сменили место своей службы. Прапорщик Белостокского пехотного полка И. П. Бочкарев за отличие в сражении (вероятно, под Лейпцигом) был пожалован чином подпоручика с переводом в Шлиссельбургский пехотный полк, а 6 ноября 1813 г. получил новое назначение в 39-й егерский полк. Летом 1813 г. из 50-го в 49-й егерский полк был переведен поручик В. И. Кубаровский, из 48-го в 30-й егерский – прапорщик И. М. Михневич, а в марте 1814 г. из 38-го во 2-й егерский полк переведен подпоручик А. М. Плешивцов. Следует отметить, что ряд офицеров в течение всей кампании служили в одних и тех же частях. Так, по три офицера числились в Фанагорийском (И.Н. Галыгин, Д.Г. Киселев, А.Л. Шумовской), Таврическом гренадерском (К.И. Блау, Е.М. Толмачев, Ф.Ф. Шенинг) и 29-м егерском (Н.В. Путимцев, Г.Д. Слюсаревский, В.И. Топоррабинский) полках, по два в 1-м (И.А. Венюков, Н.М. Муханов), 23-м (П.А. Бабушкин, М.М. Лесли) и 26-м (С.Н. Сорокин, И.И. Толмачев) егерских полках. В формуляре лейтенанта П.Б. Карпова отсутствует указание на место его службы, однако его участие в боевых действиях на суше говорит о том, что он был в составе одной из морских частей, переданных 16 марта 1813 г. в военное ведомство. Что касается С.Я. Унковского, участника кругосветного путешествия и будущего директора училищ Калужской губернии, то он служил лейтенантом на корабле «Мироносец», на котором в 1813 г. участвовал в блокаде французского флота на реке Шельде⁶.

Офицеры-калужане в заграничном походе находились в составе войск, принимавших участие в осаде крепостей (Модлин, Данциг, Торн и др.), участвовали в многочисленных боевых столкновениях, в том числе и в крупных сражениях. Так, в 1813 г. в сражении при Люцене (20 апреля) участвовало 12 офицеров, под Бауценом (8–9 мая) – 20, на реке Кацбах (14 августа) – 2, под Дрезденом (14–15 августа) – 11, под Кульмом (17–18 августа) – 5, под Лейпцигом (2–7 октября) – 36. В 1814 г. в сражении под Бриенном (17 января) участвовало 6 человек, под Монмирайлем (31 января) – 1, при Бар-сюр-Обе (15 февраля) – 5, под Лобриселем (19 февраля) и Краоном (23 февраля) – по 4, при Лаоне (25–26 февраля) – 7, под Реймсом (1 марта) – 4, при Арси-сюр-Обе (8–9 марта) – 11, под

⁶ ГАКО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1026 а. Л. 1–6.

Фер-Шампенуазом (13 марта)–10, под Сен-Дизе (14 марта) – 3, при взятии Парижа (18 марта) – 36. Как видим, наибольшее число офицеров приняло участие в «Битве народов» под Лейпцигом и в штурме Парижа.

В заграничной кампании 22 офицера получили ранения разной степени тяжести. Наибольшее число пострадавших (6 человек) приходится на сражение под Лейпцигом. В сражении при Люцене ранено 5 человек, при взятии Парижа – 3, под Дрезденом – 2. По одному офицеру получили ранения в сражениях под Бауценом, при Барсюр-Обе и в других столкновениях с противником. Три человека (П.А. Бабушкин, А.А. Жилин, И.А. Стасенко) были ранены дважды в разных боях. Большинство военнослужащих пострадало от огнестрельного, в основном ручного оружия: получили ранения или контузии в голову (1 случай), шею (2), бок (4), пах (2), верхние (5) и нижние (9) конечности. Последний вид ранений, полученный от огнестрельного оружия, зарегистрирован в 60 % случаев. От холодного оружия пострадало всего три человека. Прапорщик Митавского драгунского полка И.Д. Дидерев был ранен саблей в голову под Магдебургом 21 марта 1813 г. В авангардном бою 10 октября 1813 г. сабельную рану левой руки получил поручик Киевского драгунского полка И.А. Стасенко. Корнет л.-гв. Гусарского полка С.Ф. Чаплин был ранен пикой в плечо в сражении под Лейпцигом, вследствие ранения оказались повреждены сухожилия и кость. Как видим, от холодного оружия в боях пострадали только офицеры, служившие в кавалерии. Тяжелые ранения были получены офицерами при штурме Парижа. Так, штабс-капитан 1-го егерского полка И.А. Венюков получил два пулевых ранения. В первом случае пуля попала в правый бок (вышла через спину), а во втором – в правую руку ниже локтя, раздробив кость. Пулевое ранение в голову получил прапорщик 1-го егерского полка Н.М. Муханов, а поручик Астраханского гренадерского полка М.Е. Козлов был ранен в пах.

В зоне военных действий 5 февраля 1814 г. прапорщик Ревельского пехотного полка Н.Ф. Поньрко был взят в плен и оставался военнопленным до заключения мира. Это был единственный известный нам случай пребывания в плену офицера-калужанина в период заграничного похода.

За проявленные в заграничном походе 1813–1814 гг. отличия 35 офицеров были отмечены отечественными и иностранными наградами. 11 человек были награждены дважды, 5 – трижды, а

штабс-капитан Таврического гренадерского полка Е.М. Толмачев получил четыре награды (орден Св. Владимира 4-й степени с бантом, золотую шпагу с надписью «За храбрость» и два Высочайших благоволения). Орденом Св. Анны 1-й степени был награжден только генерал-майор В.Д. Мещеринов. Орденом Св. Анны 2-й степени были удостоены 9 офицеров, Св. Анны 3-й степени – 11, Св. Владимира 4-й степени с бантом – 15. Золотую шпагу с надписью «За храбрость» получили 5 и Высочайшее благоволение 9 человек. Прусским орденом Красного орла (2-й степени) был пожалован В.Д. Мещеринов и поручик Гродненского гусарского полка А.И. Ильинский. Прусским орденом «За заслуги» было награждено 3 офицера. Корнет л.-гв. Гусарского полка С.Ф. Чаплин получил в награду Кульмский крест. По данным формуляров, наибольшее число офицеров удостоилось наград за отличия в сражении под Лейпцигом (11 человек) и за взятие Парижа (10 человек). О награждении серебряной медалью за взятие Парижа имеется запись в формулярах только 11 офицеров. Эта медаль была учреждена 30 августа 1814 г. и предназначалась для награждения офицеров и нижних чинов, находившихся в составе действующей армии и принимавших участие в кампании 1814 г. Однако награждение этой медалью началось только с 19 марта 1826 г. и продолжалось до 1832 г.⁷ Этим, возможно, объясняется отсутствие в формулярах записи о наличии медали у большинства военных, принимавших участие в боевых действиях в 1814 г.

В походе во Францию в 1815 г. принял участие 31 офицер. Из них 30 имели обер-офицерские чины и один штаб-офицерский (майор А.Л. Шумовской). Среди обер-офицеров было 12 прапорщиков, 4 подпоручика, по 6 поручиков и штабс-капитанов, корнет (Л.Я. Кошевой) и один капитан (С.Н. Сорокин).

В армейской пехоте служило 23 человека, в гренадерских полках – 6, в гренадерских егерских – 7, в пехотных и егерских по 5. Из 7 офицеров кавалерии 5 числились в драгунских полках, по одному в Стародубском кирасирском (Л.Я. Кошевой) и Елисаветградском гусарском (И.Ф. Чмелев) полках. В артиллерии состоял штабс-капитан В.К. Дерожинский, продолживший службу в 24-й артиллерийской бригаде. Часть офицеров в период кампании 1815 г. была причислена к одним

⁷ Чепурнов Н. И. Российские награжденные медали. Чебоксары, 1993. Ч. 2. С. 131.

и тем же частям. Так, по три офицера было в Фанагорийском гренадерском (И.Н. Галыгин, Д.Г. Киселев, А.Л. Шумовской), 29-м гренадерском егерском (Н.В. Путимцев, Г.Д. Слюсаревский, А.И. Чапинский) и 30-м егерском (П.П. Арсеньев, И.М. Михневич, Г.В. Смолянинов) полках, по два в Таврическом гренадерском (Е.М. Толмачев, Ф.Ф. Шенинг), 26-м гренадерском егерском (С.Н. Сорокин, И.И. Толмачев) и Казанском драгунском (И.А. Назаров, Н.А. Обнинский) полках. В этой кампании офицеры-калужане в основном находились при блокаде крепостей.

Таким образом, в период борьбы с Наполеоном наибольшее число офицеров-калужан приняло участие в заграничном походе 1813–1814 гг. Около 90 % из них имели обер-офицерские чины. Генеральский чин имел только один офицер – В.Д. Мещеринов. Местом службы калужан была армейская пехота, где служило более 60 % офицеров. Меньше всего их числилось в гвардии, артиллерии, на флоте и в иррегулярных войсках. Офицеры-калужане являлись активными участниками боевых действий. Многие из них приняли участие в крупных сражениях (при Люцене, Бауцене, Дрездене, Лейпциге, Арси-сюр-Обе, Фер-Шампенуазе, взятии Парижа и т.д.). 22 офицера получили ранения – в большинстве огнестрельные. От холодного оружия (сабли, пики) пострадали лишь офицеры, служившие в кавалерии. Этот факт указывает на то, что в рассматриваемую эпоху поражение противника производилось в основном огнестрельным оружием. Пребывание в плену в период войн носит единственный характер. За проявленные в боях отличия в 1813–1814 гг. было награждено примерно 49 % от общего числа участников, в то время как в 1805 г. их было 11 %, в 1806–1807 гг. – 20 %, в 1812 г. – 42 %. Увеличение числа награжденных офицеров связано с успехами русского оружия. В 1813–1814 гг. награждение проводилось не только российскими, но и иностранными знаками отличия. Самыми распространенными наградами для офицеров были ордена Св. Анны 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени с бантом, золотое оружие с надписью «За храбрость» и Высочайшие благоволения. Набор этих отличий был характерен для обер-офицерских чинов. Награды более высоких степеней давались лишь штаб-офицерам и генералам. Для них же, главным образом, предназначались и иностранные ордена.

К сказанному следует добавить, что большинство офицеров-калужан имели значительный

боевой опыт. Из 108 человек, служивших в разное время в действующей армии, трое были участниками шести войн, 13 – пяти, 18 – четырех, 35 – трех, 27 – двух и 12 – одной. Следовательно, более 60 % калужан принимали участие в трех и более войнах. По три человека участвовали в Русско-турецкой 1787–1791 гг. и Русско-шведской 1788–1790 гг. войнах и Польских походах 1792–1795 гг. Два офицера были в войсках, действовавших в 1799 г. против французских армий в Италии и Швейцарии. Полковник Н.Р. Майнов был участником Русско-персидской войны 1804–1813 гг. В Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. участвовало 26 человек, в Русско-шведской 1808–1809 гг. – 16, в Австрийской кампании 1809 г. – 12. Из продолживших после 1815 г. военную службу офицеров-калужан по три человека приняли участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и подавлении польского восстания 1830–1831 гг.

Содержащиеся в послужных списках сведения дают богатый материал для некоторых обобщений относительно служебного стажа офицеров регулярной армии и причин их выхода в отставку. Офицеры имевшие служебный стаж от 5 до 10 лет, составляли 29 %, от 11 до 15 лет – 37 %, от 16 до 20 лет – 18 %, от 21 до 25 лет – 5 %, от 26 до 30 лет – 9 %, до 5 и свыше 30 лет – 2 %. Продолжительность военной службы подпоручика К.К. Стрельмана, в формуляре которого не указаны причина и дата отставки, точно определить не удалось⁸, но по косвенным сведениям (дате поступления в гражданскую службу после оставления армии в 1822 г.) можно предположить, что его военный стаж не превышал 15 лет. Таким образом, 2/3 всех учтенных офицеров, принимавших деятельное участие в войнах против наполеоновской Франции в начале XIX в., имели стаж военной службы не более 15 лет. Офицеры, прослужившие в армии в общей сложности свыше 25 лет, составляли около 10 %. Так, самый продолжительный стаж пребывания в армии зафиксирован у генерал-майора В.Д. Мещеринова. Военную карьеру он начал фурьером в л.-гв. Измайловском полку в 1787 г., а закончил ее начальником 13-й пехотной дивизии в 1819 г., оставив службу по болезни. Три офицера (штабс-капитан Т.О. Попов, выходец из солдат, участник Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., Итальянского и Швейцарского походов 1799 г., участвовавший в сражениях при Прейсиш-Эйлау и Фридлан-

⁸ ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1270. Л. 196 об.–197.

дом; участники Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода 1813–1814 гг. майор С.Ф. Эльснер и полковник Н.А. Обнинский) прослужили в армии в разных чинах и должностях по 28 лет, два офицера (полковник А.И. Ильинский – кампании 1806–1807, 1812 гг. и подполковник Ф.И. Митрофанов – кампании 1805 и 1806–1807 гг.) – по 27 лет.

Коснемся вкратце причин выхода офицеров в отставку. Среди значительной части военных главной причиной увольнения с военной службы было состояние здоровья. 28 % от учтенного числа офицеров вышло в отставку «за ранами», «по болезни» – 17 %, «по домашним обстоятельствам» – 11 %, «по прошению» – 8 % и «по Высочайшему приказу» – 4 %. Примерно у 1/3 офицеров причины увольнений в формулярных списках не указаны. Таким образом, у 45 % офицеров военная отставка была вызвана их неспособностью к продолжению действительной службы в армии по физическому состоянию здоровья. Следует отметить, что на самом деле доля таких военнослужащих была значительно больше. Из этого следует, что от 1/2 до 2/3 офицеров, по всей видимости, вышли в отставку из-за неспособности к продолжению военной службы по причине ранений, травм, тяжелых болезней, контузий и т.д. Важно отметить, что число офицеров, получивших отставку в период активных военных действий (1812–1815 гг.), исчислялось единицами – всего 6 (в 1814, 1815 гг.). Известно, что три из них (штабс-капитан А.А. Ащерин, поручик С.А. Александров и прапорщик И.Д. Дерев) были вынуждены выйти в отставку из-за полученных тяжелых ранений. В послужных списках остальных офицеров – штабс-капитана П.А. Окункова, поручика А.М. Плешивцова и подпоручика А.Г. Цавловского – причины увольнения не названы. Видимо, им тоже пришлось оставить службу в армии в военное время по неспособности к ее продолжению. В целом приведенные цифры показывают, что подавляющая часть офицеров, несмотря на полученные ранения и разные болезни (если они, конечно, позволяли находиться на службе некоторое время), уходили в отставку только после завершения военных кампаний. Все это свидетельствует о том, что по традиции для русских офицеров служить в армии было делом чести, так сказать, моральной обязанностью, а в военное время – в особенности. Справедливости ради нельзя не заметить, что офицеры оставляли военную службу в сравнительно молодом возрасте не только по неспособности к ее дальнейшему

прохождению. Делать это их побуждали и обстоятельства иного рода, в частности, неустроенность бытовых условий, походная жизнь, частые переводы воинских частей из одного места в другое, желание обзавестись семьей. Это подтверждают данные о среднем возрасте отставных офицеров. Для уволившихся из армии «за ранами» он составлял 29,4 года, «по болезни» – 25,7 года, «по приказу» – 26 лет, «по прошению» – 32,6 года и по «домашним обстоятельствам» – 28,8 года.

После выхода в отставку по-разному складывалась судьба тысяч русских офицеров, участвовавших в разгроме армии Наполеона. Одни из них селились в своем имении, где вели образ жизни заурядных помещиков, другие снискали известность у современников и потомков на ниве общественной и благотворительной деятельности, третьи продолжали служебную карьеру уже на поприще гражданской службы, занимая разные должности в правительственном аппарате или в выборных органах дворянского самоуправления.

Рассмотрим, что представляла собой последняя группа отставных военных. 26 % офицеров вышли в отставку, дослужившись до штабс-офицерских чинов, 73 % имели обер-офицерские чины. При этом чин прапорщика имел всего лишь один военнослужащий – И.А. Чапинский. Его военная карьера была нетипичной для боевого офицера. Вступив в службу в 3-й гренадерский егерский полк прапорщиком в 1814 г. и дослужившись за 12 лет до чина майора, он за неисполнение служебных обязанностей уже в мирное время, в 1830 г., был разжалован в рядовые с переводом в Витебский пехотный полк. Вторично в своей жизни чин прапорщика Чапинский получил уже при выходе в отставку в 1839 г., в возрасте 51 года⁹. Один из офицеров – упоминавшийся ранее В.Д. Мещеринов – уволился из армии в звании генерал-майора. В генеральский чин он был произведен за отличие по службе в 34-летнем возрасте, почти за два десятилетия до отставки. Приведенные показатели свидетельствуют о сравнительно быстром продвижении в чинах молодых офицеров в период военных кампаний (в соотношении с продолжительностью военной службы).

В исследуемом материале наибольшее число офицеров, перешедших из армии к статским делам, служило на разных должностях в орга-

⁹ ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3608. Л. 1692 об.–1696.

нах дворянского корпоративного самоуправления, сама служба в которых приравнивалась к государственной (губернские и уездные предводители, депутаты дворянства и др.), а также в тех звеньях местного правительственного аппарата, в которых законодателем требовалось замещение ряда должностей (судьи, заседатели уездных судов, уездные исправники и т.д.) представителями высшего сословия. На этих должностях было занято примерно 2/3 общего числа отставных офицеров-дворян. Так, посты губернского и уездных предводителей дворянства в первой половине – середине XIX в. занимал 21 человек. Из них шестеро замещали высшую в дворянской иерархии должность губернского предводителя. Это полковник Н.Р. Майнов (в 1814–1821 гг.), подполковник А.Ф. Сухотин (в 1826–1830 гг.), статский советник С.Ф. Чаплин (в 1830–1836 и 1842–1845 гг.), генерал-майор В.Д. Мещеринов (в 1847–1853 гг.), капитан-лейтенант С.Я. Унковский (в 1854–1856 гг.) и полковник Ф.С. Щукин (в 1857–1869 гг.). Депутатами губернского дворянского собрания избирались майор Я.Л. Бураков в 1830–1832 гг. (от Мосальского уезда), подполковник А.И. фон Вернер в 1842–1847 гг. (от Лихвинского уезда) и надворный советник П.М. Ермолаев в 1832–1836, 1844–1850 и 1854–1860 гг. (от Малоярославецкого уезда).

На службе в местных правительственных учреждениях, подчиненных различным ведомствам, состояло примерно 1/3 отставных. Определению их к статским должностям содействовал учрежденный 18 августа 1814 г. по Высочайшему приказу «Комитет для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб- и обер-офицерам»¹⁰. Высший в губернской иерархии власти пост губернатора последовательно занимали два человека: действительный статский советник князь А.П. Оболенский в 1825–1831 гг. и И.М. Бибиков в 1831–1837 гг. На посту калужского вице-губернатора в 1831–1834 гг. служил участник Отечественной войны 1812 г. и кампаний 1813–1814 гг. статский советник А.Х. Гессе. В должности калужского полицмейстера в течение 15 лет (1821–1836 гг.) состоял отставной майор, активный участник антинаполеоновских кампаний 1806–1807, 1812 и 1813–1814 гг., И.И. Ульянов.

Охрана «тишины и спокойствия» в уездном городе возлагалась на городничего. Эту должность в уездных городах Калужской губернии в

разное время исполняли 14 человек: поручик С.А. Александров (г. Лихвин, с 15.07.1843), гвардии штабс-капитан А.А. Ащерин (г. Лихвин, с 14.08.1814), майор П.А. Бабушкин (г. Козельск, с 09.04.1821), майор И.А. Венюков (г. Таруса, с 27.02.1842), капитан В.К. Дерожинский (г. Мосальск, 18.08.1814 – 28.09.1822; г. Боровск, с 29.09.1822), штабс-капитан М.Е. Козлов (г. Медынь, с 07.03.1818), штабс-капитан В.И. Кубаровский (г. Перемышль, с 04.05.1850), поручик А.М. Плешивцов (г. Мещовск, с 07.04.1821), полковник Е.М. Толмачев (г. Таруса, и.д. 03.03.1832–12.01.1833; г. Мосальск, 09.09.1841–13.03.1845; г. Мещовск, с 14.03.1845), капитан В.И. Топоррабчинский (г. Малоярославец, с 24.10.1822), подпоручик А.Г. Цавловский (г. Жиздра, с 12.07.1826), капитан И. И. Чепелевский (г. Боровск, с 24.09.1840), штабс-капитан Ф.П. Экарев (г. Малоярославец, 08.08.1820–24.09.1822; г. Таруса, с 25.09.1822) и майор С.Ф. Эльснер (г. Малоярославец, с 19.01.1846). Остальные должности, замещавшиеся отставными военными, не относились (за некоторым исключением) к категории престижных. Здесь не лишним будет заметить, что среди чиновников, состоявших на службе в системе коронных, т.е. правительственных учреждений более половины (около 60 %) принадлежало к беспоместному дворянству. Государственная служба была для них главным, а то и единственным источником средств к существованию. Остальные чиновники являлись владельцами мелких (до 20 душ) и средних (от 21 до 100 душ) имений.

Таким образом, приведенный материал об офицерах, продолжавших служебную деятельность на поприще статской службы после увольнения из армии, показывает, что подавляющее их большинство либо служило в органах сословной дворянской корпорации, либо замещало дворянские должности по общему судебному и полицейскому управлению. Среди среднего и низшего чиновничества доля отставных военных была невелика. Преимущественно это были лица, которые принадлежали к малообеспеченным или беднейшим слоям дворянства и безбедно существовать без государственного жалованья просто не могли. Число офицеров, дослужившихся до высших военных и гражданских чинов и имевших основание рассчитывать на руководящие посты в местной администрации, исчислялось единицами.

Итак, выявленный в фондах ГАКО и статистически обработанный массовый документаль-

¹⁰ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 20. № 25642.

ный материал позволил в главных чертах воссоздать коллективный портрет русского офицера эпохи наполеоновских войн. Абсолютное большинство офицеров были выходцами из потомственного дворянства, принадлежали к молодым и средним возрастным группам, в преобладающей своей части получили домашнее образование. Значительная часть офицеров имела большой боевой опыт, приобретенный в военных походах и сражениях конца XVIII – начала XIX в. Калужане участвовали во всех крупных кампаниях и сражениях рассматриваемого периода. Как оказалось, более всего участников приходится на Отечественную войну и заграничные походы 1813–1814 гг. Наибольшее число офицеров имело обер-офицерские чины и служило в армейской пехоте. Многие офицеры в период военных кампаний получили ранения, в том числе тяжелые, а за проявленные в сражениях отличия были удостоены российских и иностранных наград.

Таковы лишь некоторые предварительные результаты историко-социологического изучения участия офицеров-калужан в военных кампаниях начала XIX века.

Собранный и проанализированный в статье источниковый материал позволяет наметить перспективы исследования данной проблемы. Ее дальнейшее изучение видится прежде всего в продолжении поисковой работы по выявлению и введению в научный оборот документальных биографических сведений о неизвестных и неучтенных до сих пор военных деятелях. Выявление, обобщение и систематизация первичной информации даст возможность приступить к составлению биографического справочника калужан – участников антинаполеоновских войн, издание которого на современном этапе представляется важным и своевременным.

Г.И. ГЕРАСИМОВА

«ГОРДЫЕ ВЕЛИЧИЕМ ПОДВИГА НАШИХ ПРЕДКОВ» («Журнал Императорского Русского Военно-исторического Общества» о вековом юбилее походов 1813 года)

О том, как Россия отмечала 100-летие заграничных походов 1813 года, можно с достаточной полнотой узнать из материалов периодических изданий. При этом особое место занимают военно-исторические газеты и журналы, а среди последних – Журнал Императорского Русского Военно-исторического общества (ИРВИО).

5 декабря 1912 г. Совет ИРВИО избрал редакционную комиссию по изданию «Журнала» Общества в составе: А.К. Байов, Г.С. Габаев, В.В. Жерве, Н.М. Печенкин, Д.И. Струков, при этом «ближайшее руководство изданием» было возложено на А.К. Байова¹. Задачи печатного органа ИРВИО на 1913 г. были определены особым решением; о перспективах работы «Журнала» в юбилейный год шла речь в редакционной статье первого номера журнала². Прежде всего

предполагалось «развить» отдел «военно-исторической летописи», чтобы отражать «возможно полным образом... военно-историческое прошлое, проявляемое различными способами в настоящее время». Кроме того, считалось необходимым «возможно шире поставить отдел «Библиографии»». Это означало увеличение объема публикуемых в нем материалов, дабы включить «рецензии о всех наиболее крупных и интересных военно-исторических трудах и отзывы о более или менее всех вышедших сочинениях, имеющих отношение к военной истории»³. Поставленные задачи обосновывались следующим образом. «Интерес переживаемого ныне момента с военно-исторической и вообще исторической точки зрения, обширность нашего отечества, множество лиц, интересующихся историей и занимающихся ею, наконец, все более и более проникающее в общество сознание значения истории, – все это вызывает на местах определенного рода деятельность, проявленную раз-

¹ Журнал императорского Русского военно-исторического общества (далее – Журнал). 1913. № 1. С. 7.

² Об издании «Журнала» в 1913 году см. Там же. С. 4–5.

³ Там же.